

ПРОКЛЯТЫЙ МАГ, ВЕРНИТЕ МОЮ ПАМЯТЬ!

Эния Агнис

**Проклятый маг,
верните мою память!**

«Автор»

2026

Агнис Э.

Проклятый маг, верните мою память! / Э. Агнис — «Автор»,
2026

Я всего лишь собиралась починить треснувшее зеркало. Теперь меня подозревают в убийстве, а королевский следователь Кайр Эстен не может отойти от меня дальше чем на два с половиной шага. Нет, это не забота. Это проклятие. Стоит одному из нас солгать другому — и мы меняемся воспоминаниями. Он узнаёт то, что я скрывала годами. Я вижу его прошлое, в котором слишком много крови и слишком мало ответов. Чтобы снять проклятие, нам придётся раскрыть убийство и выяснить, кто запер в зеркале чужую память. Но артефакт знает моё имя. И говорит голосом моей умершей матери. Кайр требует правды. Я не спешу доверять человеку, которого видела с окровавленным ножом. А хуже всего то, что рядом с ним мне всё чаще хочется остаться добровольно. Скрывать это становится опасно: за каждую ложь приходится отдавать часть себя.

© Агнис Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Не вскрывать	5
Глава 2. Правила честного допроса	11
Глава 3. Чужое лицо	18
Глава 4. До полуночи	26
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Эния Агнис

Проклятый маг, верните мою память!

Глава 1. Не вскрывать

В день, когда я украла чужую память, всё началось с трещины толщиной с волос.

На чёрном стекле она тянулась от края к центру и заканчивалась возле серебряной печати.

Такие трещины не чинят в конце рабочего дня. Рядом с ними не дышат, не разговаривают и уж точно не оставляют младшего реставратора в одиночестве.

Поэтому мастер Ордин, разумеется, поручил работу мне.

— Только укрепить оправу, — сказал он, застёгивая дорожный плащ. — Не исследовать, не вскрывать и не проявлять инициативу.

— Когда я проявляла инициативу?

Ордин посмотрел на обугленный шкаф за моей спиной.

— Осознанно, — уточнила я.

— За артефактом придет королевский следователь. Если он обнаружит хотя бы новое пятно, платить за ущерб будешь ты.

— Моего жалованья не хватит даже на пятно.

— Именно поэтому советую быть осторожной.

Он вышел, оставив меня одну в реставрационной мастерской Королевского архива воспоминаний.

За узкими окнами темнело. По стеклу стучал дождь, а под потолком лениво плавали три световых шара. Один мигал, второй потрескивал, третий давно следовало списать, но архив не выбрасывал ничего. Особенно вещи, способные взорваться.

Я снова посмотрела на принесённый артефакт.

Небольшое овальное зеркало лежало на бархатной подкладке. Его оправка была сделана из почерневшего серебра и покрыта незнакомыми знаками. Посередине стекла виднелся круглый замок-печать.

К бирке прилагалась короткая инструкция:

«Объект изъят в доме советника Эдвина Роша.

Предположительно содержит запечатанное воспоминание.

Не вскрывать».

Последние слова были подчёркнуты трижды.

Ниже кто-то добавил от руки:

«Особенно архивариусам».

Я огляделась.

— Очень смешно.

Зеркало промолчало.

Я натянула защитные перчатки, установила вокруг рабочего стола четыре медных ограничителя и провела между ними нить гашёного серебра. Обычная предосторожность при работе с чужой памятью.

Официально я была младшим реставратором третьей категории. Умела склеивать повреждённые кристаллы, очищать воспоминания от эмоциональных искажений и восстанавливать стёртые образы по остаточному следу.

Неофициально я слышала воспоминания даже через закрытую оболочку.

За такой дар не повышали по службе. Его регистрировали, изучали, а иногда выжигали вместе с памятью владельца.

Именно поэтому последние семь лет я старательно притворялась самой обычной.

Я закрепила зеркало и поднесла к оправе тонкую серебряную иглу. Работа требовалась простая: заполнить трещину удерживающим составом и наложить поверх неё новый защитный узор.

Игла коснулась металла.

В глубине зеркала что-то стукнуло.

Я замерла.

Стук повторился.

Три быстрых удара. Пауза. Ещё два.

Это было невозможно. Воспоминания могли плакать, кричать и даже сопротивляться просмотру, но стучать они не умели.

Я убрала иглу.

Тишина.

Снова коснулась оправы.

Три удара. Пауза. Два.

— Нет, — сказала я. — Даже не пытайся.

По чёрному стеклу пробежала серебристая рябь.

Кто-то внутри прошептал:

«Элин».

Игла выпала из пальцев и звякнула о стол.

Собственное имя я услышала отчётливо. Голос был женским, слабым и испуганным.

Я проверила защитный контур. Нить оставалась целой, ограничители не сместились, а центральная печать не подавала признаков активности.

Обычный человек ничего бы не услышал. Я слышала запечатанные воспоминания своим даром — но откуда одно из них знало моё имя?

— Кто ты? — спросила я прежде, чем здравый смысл успел меня остановить.

Стекло потемнело.

На его поверхности на мгновение отразилась не мастерская, а зал с высокими колоннами. По белому полу тянулся кровавый след. В конце следа стоял мужчина в чёрном мундире.

Лица я не увидела. Только серебряную застёжку на воротнике и руку, сжимавшую окровавленный нож.

Изображение исчезло.

Я отшатнулась и задела край стола.

Зеркало дрогнуло.

Трещина стала длиннее.

— Нет-нет-нет...

Я схватила серебряную иглу и попыталась замкнуть повреждённый участок. Защитный состав лёг ровно, но вместо того чтобы затвердеть, втянулся внутрь стекла.

По мастерской прокатился глухой удар.

Один из световых шаров погас.

Потом второй.

Я осталась в полумраке вместе с артефактом, который знал моё имя.

Разумный человек позвал бы стражу.

Предусмотрительный человек покинул бы мастерскую.

Я же была бедной служащей, которой мастер Ордин пообещал вычистить из жалованья стоимость любого повреждения.

Пришлось спасать зеркало.

Я сняла правую перчатку и положила пальцы на холодную оправу. Острый край царапнул ладонь. Капля крови попала в трещину, и внутри стекла что-то отозвалось.

Закрытые воспоминания обычно ощущались как далёкая музыка: мелодию слышишь, но слов не различаешь. От этого артефакта исходил оглушительный шум. Десятки голосов перебивали друг друга, образы наслаивались, а чужие чувства впивались в кожу ледяными иглами.

Страх.

Боль.

Ярость.

И отчаянное желание что-то скрыть.

В центре всего этого билось одно воспоминание. Живое, испуганное и запертое.

Я потянулась к воспоминанию своим даром, пытаюсь удержать его внутри зеркала.

Мир исчез.

На одно короткое мгновение я оказалась в том самом белом зале.

На полу лежал мужчина. Его лицо скрывала тень, но на груди расплывалось тёмное пятно. Рядом на коленях стоял человек в чёрном мундире.

Теперь я видела его профиль: резкие черты, мокрые от дождя волосы и тонкий шрам возле левого виска.

— Ты опоздал, Кайр, — прошептал умирающий.

Мужчина в мундире наклонился ближе.

— Кто это сделал?

Умирающий посмотрел прямо на меня.

— Архивариус.

Воспоминание оборвалось.

Я вернулась в мастерскую с таким резким вдохом, будто вынырнула из ледяной воды.

Под моей ладонью что-то щёлкнуло.

Центральная печать раскрылась.

— Проклятье.

Из зеркала вырвалась серебряная нить и обвилась вокруг моего запястья. Я попыталась отдёргнуть руку, но нить натянулась, удерживая меня возле стола.

На другом конце мастерской распахнулась дверь.

Вошедший мужчина двигался быстро и бесшумно. Чёрный мундир, серебряная застёжка, мокрые волосы и шрам у левого виска.

Тот самый человек из воспоминания.

Кайр.

Он увидел серебряную нить, мою обнажённую ладонь на оправе и раскрытую печать.

— Отойдите от артефакта.

— С удовольствием.

— Немедленно.

— Я привязана.

Его взгляд скользнул по нити.

— Что вы сделали?

— Ничего непоправимого.

По стеклу пробежала новая трещина.

— Почти ничего, — добавила я.

Кайр оказался возле стола раньше, чем я успела его остановить. Он перехватил серебряную нить защищённой рукой.

— Не трогайте!

Слишком поздно.

Нить метнулась к нему и обвила его запястье. Артефакт вспыхнул белым светом.
Нас швырнуло друг к другу.

Я врезалась в его грудь, он удержал меня за плечи, а серебряные путы замкнулись вокруг наших рук единым узором.

В голове раздался звон.

Перед глазами вспыхнули чужие образы: заснеженная дорога, тренировочный двор, окровавленный клинок. Мужчина, лежащий на белом полу. И собственные руки Кайра, прижатые к его ране.

Я попыталась отступить.

Нить не позволила.

— Отпустите меня.

— Это не я вас держу.

— Вы следовательно. Сделайте что-нибудь следовательноское.

— Например?

— Арестуйте зеркало.

На его лице не дрогнул ни один мускул.

Чувство юмора у королевской службы, очевидно, удаляли при поступлении.

Кайр внимательно осмотрел печать.

— Вы вскрыли ядро?

От правильного ответа зависело слишком многое.

Если я признаюсь, придётся объяснять, как сумела проникнуть в запечатанное воспоминание. Тогда королевская служба проверит мой дар, найдёт отсутствие регистрации и отправит меня в палату менталистов.

Оттуда люди возвращались вежливыми, спокойными и не помнящими собственного имени.

Я не собиралась вскрывать печать. Но именно мой дар проник внутрь, и скрыть это можно было только прямой ложью.

— Нет, — сказала я. — Я не касалась ядра.

Серебряная нить обожгла запястье.

Я вскрикнула.

Что-то мягко и почти безболезненно выскользнуло из моей головы.

Я увидела кухню нашего старого дома. Синий чайник на плите. Открытое окно. Женщина стояла ко мне спиной и напевала песню.

Мама.

Она начала поворачиваться.

Воспоминание побелело и рассыпалось.

Я знала, что у моей матери были тёмные волосы. Помнила её голос, тёплые руки и запах яблочного мыла.

Но больше не могла представить её лицо.

На освободившееся место хлынуло чужое воспоминание.

Кайр стоял под дождём возле свежей могилы. В руке он сжимал серебряный медальон, а напротив него советник Рош говорил:

«Твой брат погиб не из-за проклятия. Его убили, потому что он узнал имя архивариуса».

Я снова оказалась в мастерской. Кайр резко отпустил моё плечо. Он побледнел и смотрел на меня так, будто видел впервые.

— Что сейчас произошло? — спросила я.

Вместо ответа он поднял руку и коснулся собственного виска.

— Почему я помню дом с синими ставнями?

У меня остановилось дыхание.

— Какой дом?

— Маленькая кухня. Дождь за окном. Девочка прячется под столом и ждёт, когда мать закончит песню.

— А могила? Советник Рош?

Кайр нахмурился.

— Я знаю, что говорил с ним после похорон. Но самого разговора не помню. Откуда вы о нём знаете?

Он описал мою кухню. Я только что видела его разговор у могилы. Не просто потеря — обмен.

Кайр смотрел на меня, но видел её — женщину, лицо которой я больше не могла вспомнить.

Я дёрнула связанную руку.

— Верните.

— Что?

— Мою память.

Серебряная нить между нами стала ярче.

Кайр перевёл взгляд на зеркало, затем на раскрытую печать.

— Вы солгали.

Это прозвучало не как вопрос.

— Я испугалась.

— Чего именно?

Перед глазами снова возник белый зал и умирающий мужчина.

«Архивариус».

Я не знала, относилось ли это слово ко мне, к мастеру Ордину или к кому-то ещё. Но говорить Кайру о воспоминании его брата было нельзя. По крайней мере, пока я не пойму, почему артефакт позвал меня по имени.

— Ничего, — ответила я.

Нить обожгла нас обоих.

Кайр пошатнулся.

Из моей памяти исчезла песня матери.

Взамен я увидела его брата, уже лежащего на белом полу. Он схватил Кайра за воротник и прошептал последние слова:

«Не верь девушке из архива. Она откроет зеркало».

Воспоминание оборвалось.

Кайр медленно поднял голову.

Судя по его взгляду, он тоже получил что-то моё.

Его рука легла на рукоять меча.

— Элин Вэрд, — произнёс он, хотя я не называла своего полного имени. — Вы задержаны.

— За повреждение государственного имущества?

— За ложь королевскому следователю, незаконное вскрытие артефакта и возможную причастность к убийству советника Роша.

— Я впервые слышу о его убийстве.

Нить осталась холодной.

Правда.

Кайр это почувствовал.

На мгновение в его глазах появилось сомнение, но тут же исчезло.

Он снял с пояса наручники и посмотрел на серебряную связь между нашими запястьями.

— Возникла небольшая сложность, — сказала я.

— Я заметил.

— Если вы посадите меня в камеру, вам придётся войти вместе со мной.

— Тогда постарайтесь не занять всю скамью.

Он потянул меня к выходу.

В ту же секунду зеркало заговорило голосом моей матери:

— Элин, не позволяй ему вспомнить, кто тебя убил.

Кайр остановился.

Я тоже.

Между нами натянулась серебряная нить, а в чёрном стекле появилось отражение женщины, чьего лица я больше не помнила.

Глава 2. Правила честного допроса

Женщина в зеркале подняла руку и приложила палец к губам.

Я знала этот жест.

Когда я была маленькой, мама так просила меня не выдавать наше укрытие во время игры. Она стояла у окна, делала вид, что не замечает торчащие из-под стола ноги, и торжественно объявляла пустой комнате:

«Как жаль. Элин опять исчезла. Придётся самой съесть все медовые лепёшки».

Воспоминание сохранилось.

Её голос — тоже.

Исчезли лицо и мелодия её песни. Остальное пока оставалось со мной.

— Мама? — прошептала я.

Отражение улыбнулось.

По чёрному стеклу пробежала трещина, разрезавшая женский силуэт надвое. Свет погас, и в зеркале снова появилась мастерская: опрокинутый стул, разбросанные инструменты и мы с Кайром, связанные серебряной нитью.

Следователь отпустил рукоять меча.

— Кто это был?

— Моя мать.

Нить не отреагировала.

Правда.

Теперь Кайр знал, когда я говорю искренне. А я могла проверять его ответы. В других обстоятельствах такая способность показалась бы полезной.

Например, при покупке подержанной кареты.

Или при выборе мужа.

Но быть привязанной к королевскому следователю, который собирался обвинить меня в убийстве, в мои планы не входило.

Кайр внимательно посмотрел на зеркало.

— Ваша мать жива?

— Нет.

Серебряная нить осталась холодной.

Он нахмурился:

— Тогда кто говорил из артефакта?

— Если узнаете, сообщите. Предпочтительно до того, как отправите меня в тюрьму.

Я потянулась к инструментам, но Кайр удержал меня.

— Не прикасайтесь к нему.

— Прекрасная мысль. Жаль, что она пришла вам после того, как вы схватились за проклятую нить.

— Я пытался не дать вам погибнуть.

— А я пыталась не дать артефакту взорваться. Получается, мы оба герои.

Зеркало глухо стукнуло.

На этот раз удар почувствовали мы оба. Кайр вздрогнул, серебряная связь между нами натянулась, а из открытой печати вырвалась тонкая струйка дыма.

— Ядро разрушается, — сказала я.

— Вы можете его закрыть?

— Если не будете мешать.

— Насколько вероятно, что после этого разрушится здание?

— Вы хотите честный ответ?

Он посмотрел на серебряную нить.
— Теперь исключительно честный.
— Я не знаю.
Кайр медленно выдохнул.
— Что от меня требуется?
Я указала на медный ограничитель возле дальнего края стола.
— Поставьте его напротив трещины.
Он сделал шаг.
Нить впилась в наши запястья.
Кайр остановился.
— Дальше не получается.
Я попробовала отойти от него. После двух шагов серебро натянулось. Ещё полшага — и кожу обожгло так, что я едва не вскрикнула.
— Великолепно, — сказала я. — Мы не можем разойтись даже на три шага.
— Два с половиной.
— Вы всегда настолько точны?
— Да.
Нить осталась спокойной.
Вот и первая плохая новость: он действительно всегда был таким.
Пришлось двигаться вместе. Я обходила стол, а Кайр следовал за мной, стараясь не задеть инструменты. Для человека его роста и сложения он двигался удивительно легко.
Мы добрались до ограничителя. Я подняла его свободной рукой и протянула Кайру.
— Установите здесь. Знаком к центру.
— Какой из них знак?
— Треугольник с перечёркнутым кругом.
Он повернул ограничитель.
— Здесь круг перечёркнут дважды.
— Вторая черта — царапина. Поставьте его.
— Повреждение не мешает?
— Нет. Это корпус, не проводящий узор.
— Я недооценила разрушительную силу вашей добросовестности.
В уголке его рта что-то дрогнуло.
Возможно, судорога.
Мы установили ограничитель и замкнули серебряную нить вокруг стола. Теперь требовалось наложить новый замок поверх открытой печати.
Обычно реставратор делал это двумя руками.
У меня была свободна только одна. Вторую удерживала связь с Кайром.
— Подойдите ближе, — сказала я.
Он встал рядом.
— Ещё ближе.
— Это обязательно?
— Нет. Я всегда прошу королевских следователей прижаться ко мне во время работы.
Серебряная нить осталась холодной.
— Это обязательно, — повторила я уже без насмешки. — Иначе не дотянусь до замка.
Кайр кивнул.
Значит, явная шутка не вызвала обмена. Я не пыталась его обмануть — только скрывала, насколько мне неловко просить.
Кайр приблизился и положил ладонь поверх моей руки.
— Так?

Его пальцы были тёплыми. Слишком тёплыми для человека, который только что пришёл с холодной улицы.

— Так, — ответила я и постаралась смотреть на зеркало.

Мы одновременно коснулись печати.

— Когда скажу, направьте в оправу немного силы.

— Сколько?

— Представьте, что хотите зажечь свечу, а не сжечь дом.

— Я умею контролировать магию.

Нить не отреагировала.

Вторая плохая новость: он действительно умел.

Я провела серебряной иглой по краю трещины. Кайр направил в оправу тонкий поток силы. Не грубый и давящий, как у большинства боевых магов, а ровный, почти хирургически точный.

Трещина засветилась.

Из зеркала донёсся шёпот.

«Двадцать один».

— Вы слышали? — спросила я.

— Да.

«Двадцать».

По краю оправы проступила двадцать одна отметка. Одна уже была чёрной; вторая погасла у меня на глазах. Остальные светились серебром.

Кайр усилил поток.

— Что происходит?

— Понятия не имею. Не прекращайте.

«Девятнадцать».

— Две отметки. За две мои лжи?

— Я заметил.

Мы замкнули узор.

Раздался щелчок, и центральная печать закрылась. Шёпот оборвался. Оставшиеся точки погасли, но я успела увидеть, что их осталось девятнадцать.

В мастерской стало тихо.

Кайр убрал руку.

Серебряная связь между нами сохранилась.

Она лишь побледнела и теперь выглядела тонким браслетом, от которого тянулась почти прозрачная нить.

— Вы обещали его закрыть, — сказал Кайр.

— Я закрыла артефакт.

— А это?

Он поднял связанную руку.

— Дополнительное украшение.

Он посмотрел на меня, затем снова на нить. Та осталась холодной.

— Вы сами хоть когда-нибудь лгали? — спросила я.

— В восемь лет разбил вазу и спрятал осколки под кроватью. Сказал, что не знаю, куда она делась.

— У следователей тоже было детство.

— Подозреваю, у всех.

— Ваза была дорогая?

— Ужасно.

Я посмотрела на него.

— Вы сейчас намеренно рассказали правду.

— Проверял, реагирует ли связь на рассказ о прежней лжи.

— И?

— Пока мы не пытаемся обмануть друг друга, воспоминания остаются на месте.

Я попыталась представить лицо матери.

В голове была пустота.

— Те, которые ещё не успели украсть.

Кайр посмотрел на меня, но ничего не ответил.

Он снял со стола плотную ткань и накрыл зеркало. Затем достал из внутреннего кармана небольшой жетон связи.

— Следователь Эстен, — произнёс он. — Нужен специалист по проклятым артефактам. Королевский архив, реставрационная мастерская. Немедленно.

Жетон вспыхнул и погас.

— Значит, вы всё-таки не потащите меня в камеру?

— Специалист осмотрит нас здесь.

— Это не ответ.

— Пока не потащу.

Нить осталась холодной.

Я решила считать это хорошей новостью.

Через четверть часа в мастерскую вошёл невысокий мужчина в сером плаще. Под мышкой он держал потёртый саквояж, из которого доносился недовольный скрежет.

— Я предупреждал, — сказал он вместо приветствия, — что после заката проклятия стоят вдвое дороже.

— Оплатит корона, магистр Нолл, — ответил Кайр.

— Тогда втрое.

Магистр поставил саквояж на стол и посмотрел на наши руки.

— Кто из вас открыл зеркало?

Кайр указал на меня.

— Печать открылась после того, как я коснулась оправы, — сказала я. — Даром тоже.

Нить осталась холодной. Теперь мне пришлось смотреть не на магистра, а на Кайра.

Нолл приподнял брови:

— Забавная вещица. Приучает к точности.

— Что это за проклятие? — спросил Кайр.

Магистр достал круглые очки с красными линзами и осмотрел связь.

— Старый узел правды. Такие накладывали на свидетелей до появления кристаллов дознания. Если один сознательно обманывает другого, проклятие меняет местами два настоящих воспоминания. Лжец отдаёт своё и получает чужое. Второй участник тоже не выбирает, с чем расстаться.

— А шутки? — спросила я.

— Если вы оба понимаете, что это шутка, обмена не будет. Узел не проверяет устройство мира. Он ловит попытку выдать за правду то, во что вы сами не верите. О недосказанном не судит — только о произнесённом.

Кайр посмотрел на меня:

— Значит, невиновность он не доказывает. Только искренность.

— Можно вернуть потерянное? — спросила я.

— Если снять узел правильно.

— А если неправильно?

— Вы можете забыть всё. Имя, семью, профессию. Не сумеете отличить своё от чужого.

— Обнадеживает.

— Я беру деньги за точность, а не за надежду.

Нолл провёл стеклянной палочкой вдоль серебряной нити. На оправе зеркала снова проступили девятнадцать точек.

— Изначально была двадцать одна отметка, — сказала я. — Две исчезли.

— Два дня потеряно.

— Прошло меньше часа.

— Узел питается ложью. Каждая ложь отнимает время. Если не будете лгать, останется девятнадцать дней. Если продолжите в том же духе — к утру забудете, зачем меня позвали.

Кайр скрестил руки:

— Как его снять?

Магистр указал на зеркало:

— Внутри находится скрытое воспоминание. Узел выбрал одного из вас ключом, второго — судьёй. Ключ должен восстановить воспоминание полностью. Судья — подтвердить раскрытую правду.

— Кто из нас кто? — спросила я.

— Артефакт открылся на вашей крови?

Я посмотрела на тонкий порез на ладони.

— Да.

— Вы ключ.

Магистр повернулся к Кайру:

— А вы судья.

— Почему зеркало выбрало именно нас?

— Такие артефакты не выбирают случайных людей. Ключ связан с тем, кто спрятал воспоминание. Судья — с тем, кому оно принадлежит или кого касается содержащаяся в нём правда.

Кайр посмотрел на закрытое зеркало.

Я вспомнила умирающего мужчину в белом зале.

Его брата.

— Есть ещё что-нибудь? — спросил следователь.

Магистр осмотрел наши запястья.

— Не пытайтесь разорвать связь силой. Не удаляйтесь друг от друга больше чем на несколько шагов. Не используйте ментальные щиты. И главное — не лгите.

— Мы поняли, — сказал Кайр.

Нить осталась холодной.

Магистр убрал инструменты.

— Я загляну завтра. Если к тому времени останется меньше восемнадцати отметок, стоимость работы удвоится.

— Почему? — спросила я.

— Потому что иметь дело с людьми, которые не способны выполнить простую инструкцию, опасно для здоровья.

Он забрал плату вперёд и ушёл.

Кайр подождал, пока дверь закроется.

— Теперь вы расскажете, что увидели в зеркале.

Это не было вопросом.

Я посмотрела на серебряный браслет.

— Я увидела белый зал. На полу лежал раненый мужчина. Рядом с ним стояли вы.

Лицо Кайра стало неподвижным.

— Дальше.

— Он сказал, что вы опоздали. Вы спросили, кто это сделал.

— Что он ответил?

Я не хотела произносить это слово. Но молчание вряд ли убедило бы Кайра отпустить меня.

— «Архивариус».

Он подошёл к накрытому зеркалу.

Связь потянула меня за ним.

— Вы узнали раненого?

— Нет.

— Вы видели его лицо?

— Не полностью.

Кайр снял ткань с артефакта, но печать оставалась тёмной.

— Это был мой брат, — сказал он.

— Я догадалась.

— Как?

— Проклятие передало мне часть вашего воспоминания.

Он резко повернулся:

— Какую часть?

— Разговор с советником Рошем у могилы. Он сказал, что ваш брат погиб, потому что узнал имя архивариуса.

Кайр долго молчал.

— Мой брат умер три года назад, — произнёс он наконец. — Официально — от магического проклятия. Советник Рош помогал мне вести неофициальное расследование.

— А теперь убили и его?

— Вчера ночью.

— Зеркало нашли в его доме?

— По донесению — в запертой комнате рядом с телом. Дом осматривала ночная смена, я получил опись утром.

От этой новости мне стало холодно.

Кто-то хранил воспоминание о смерти брата Кайра три года. Потом артефакт оказался возле второго погибшего и был доставлен именно в мою мастерскую.

А голос матери заранее знал, что я его открою.

— Кто принёс зеркало в архив? — спросила я.

— Курьер следственного управления.

— Вы уверены?

— Я подписал распоряжение.

Нить осталась спокойной.

— Почему его передали мне?

— Этого в распоряжении не было. Я велел поместить артефакт в защищённое хранилище до прибытия специалиста.

Мы одновременно посмотрели на пустую вешалку мастера Ордина.

— Мой начальник сказал, что зеркало нужно срочно укрепить, — произнесла я. — И ушёл за несколько минут до вашего появления.

— Как его полное имя?

— Брен Ордин.

Кайр достал жетон связи, но тот не загорелся.

— В здании поставлен блокирующий контур, — сказала я. — После закрытия архива внешняя связь не работает.

— Но первый вызов прошёл.

Я посмотрела на потемневший жетон. Он вспыхнул, когда Кайр говорил с ним, но ответа диспетчера мы не слышали. Тогда появление Нолла показалось достаточным подтверждением.

— Удобно.

— Для сохранности государственных тайн.

— И для человека, который хотел оставить вас наедине с зеркалом.

Мы вернулись к выходу. Теперь двигаться вместе получалось немного лучше. Главное — заранее понимать, кто поворачивает первым.

Мы почти дошли до двери, когда снаружи послышались шаги.

В мастерскую заглянул дежурный стражник.

— Следователь Эстен? Нашёлся журнал доставки.

Он протянул Кайру тонкую книгу.

— Кто принял артефакт? — спросил тот.

— Мастер Ордин. Но доставил его не наш курьер.

Стражник посмотрел на меня.

— Зеркало принесла она.

Я рассмеялась.

С каждым новым свидетелем мой вечер становился всё хуже.

— Я весь день работала в мастерской, — сказала я. — Отлучалась только на обед.

— Вы пришли утром, — возразил стражник. — Ещё спросили, где можно вымыть руки.

Я вас хорошо запомнил.

— Вы ошиблись.

— Нет. На вас был синий плащ и перчатки. Правая оказалась порвана.

Он указал на мою руку.

Под большим пальцем виднелся старый белый шрам. Обычно его скрывала перчатка.

— Вы ещё сказали, что получили этот шрам, когда в детстве разбили окно, — добавил стражник.

Я никогда никому в архиве этого не рассказывала.

Кайр раскрыл журнал.

В строке доставки стояло моё имя.

«Элин Вэрд. Младший реставратор третьей категории».

Ниже была моя подпись.

Я знала каждый её изгиб. Даже последняя буква уходила вверх точно так же, как всегда.

— Это не я, — сказала я.

Серебряная нить осталась холодной.

Кайр перевёл взгляд с подписи на меня.

— Значит, кто-то не только выглядит как вы, но и обладает вашими воспоминаниями.

Из-под ткани донёсся голос моей матери:

— Уже нет.

На оправе зеркала погасла ещё одна серебряная точка.

Глава 3. Чужое лицо

Серебряная точка погасла.

Теперь их осталось восемнадцать.

— Я не лгала, — сказала я.

— Я тоже, — ответил Кайр.

Связь не нагрелась.

Дежурный стражник поднял руки:

— И я сказал правду.

— Вы к проклятию не привязаны, — заметила я.

— Хоть в чём-то сегодня повезло.

Из-под ткани больше не доносилось ни звука. Зеркало снова выглядело безобидным старым артефактом, который не разговаривал голосами умерших и не крал человеческую память.

Кайр закрыл журнал доставки.

— Во сколько принесли зеркало?

Стражник почесал щёку.

— Около восьми утра.

— Точнее.

— Колокол ещё не звонил. Наверное, без четверти восемь.

В это время я шла к архиву через Рыночную площадь. Из-за дождя мостовые затопило, пришлось обходить по улице Красильщиков. Я опоздала на девять минут и получила от мастера Ордина длинную лекцию о дисциплине.

— Кто находился у входа? — продолжил Кайр.

— Я. Потом пришёл утренний сменщик.

— Имя?

Стражник нахмурился.

— Сейчас вспомню.

Он замолчал.

Прошло несколько секунд.

— Его имя, — повторил Кайр.

— Я знаю.

Стражник коснулся виска.

— Каждый день его вижу. Рыжий такой. У него ещё жена пироги печёт.

— Как его зовут?

— Я...

На его лице появился настоящий страх.

— Не помню.

Он сделал шаг назад и схватился за край стола. Из носа потекла тонкая струйка крови.

Я шагнула к нему, потянув Кайра за собой.

— Не двигайтесь.

— Что со мной?

— Посмотрите на меня. Как вас зовут?

— Терен.

Он ответил сразу.

— Полное имя?

— Терен Восс.

— Сколько лет служите в архиве?

— Шесть. Нет... семь.

Его зрачки расширились. По белкам побежали серебряные прожилки.
Я уже видела подобное.

Повреждённое воспоминание разрушалось изнутри и тянуло за собой всё, с чем было связано. Сначала человек забывал отдельные имена. Потом лица. Затем исчезала собственная история.

Если процесс доберётся до основных связей, Терен перестанет понимать, где находится и кто он. Потом может не остаться никого, кто сумеет ответить мне.

— Его воспоминание подменили, — сказала я.

Кайр поддержал стражника за плечо.

— Можно остановить?

— Да.

— Что нужно?

Я стянула вторую перчатку.

Кайр посмотрел на мои руки, потом на меня.

Он понял.

Конечно, понял. Королевских следователей, вероятно, специально обучали замечать именно то, что порядочные граждане предпочитали скрывать.

— Как вы узнали о повреждении? — спросил он.

— Сейчас не время.

— У вас есть ментальный дар?

Я не ответила.

Молчание не было ложью. Серебряная нить оставалась холодной.

Терен застонал. Прожилки в его глазах стали ярче.

— Если я ничего не сделаю, он умрёт, — сказала я.

— А если сделаете?

— Может выжить.

— А вы?

— Постараюсь не умереть вместе с ним.

— Очень убедительно.

— Я реставратор, а не торговец страховками.

Кайр посмотрел на серебряную связь между нами.

— Если вы войдёте в его память, проклятие может потянуть меня следом.

— Может.

— Почему вы говорите об этом только сейчас?

— Потому что вы задали правильный вопрос только сейчас.

Терен начал оседать на пол.

Кайр подхватил его и усадил на стул.

— Делайте.

Я положила ладонь стражнику на висок.

В нормальных условиях требовались проводящий кристалл, защитный круг и письменное разрешение владельца воспоминания. У меня не было ничего из перечисленного.

Только человек, который мог потерять себя в ближайшие минуты.

Я закрыла глаза.

— Терен, думайте о сегодняшнем утре. Вы стоите у входа. Что происходит дальше?

— Идёт дождь, — прошептал он. — Я хочу закрыть двери, но вижу девушку.

— Как она выглядит?

— Как вы.

Серебряные прожилки вспыхнули.

Я нащупала повреждённый участок и потянулась к нему.

Кайр схватил меня за запястье:

— Элин?

— Не отпускайте Терена.

— Я держу вас.

— Это тоже может пригодиться.

Мир провалился в дождь.

Мы стояли у главного входа в архив.

На этот раз рядом со мной был Кайр. Связь действительно увлекла его в чужое воспоминание. Он выглядел полупрозрачным, словно отражение на воде, но сохранял возможность двигаться и говорить.

— Он нас не видит? — спросил Кайр.

— Это уже произошло. Здесь никто нас не видит.

Перед дверями стоял Терен. Он кутался в форменный плащ и с тоской смотрел на потоки воды, стекающие с крыши.

По ступеням поднялась женщина в синем плаще.

Я увидела собственное лицо.

Те же серые глаза, упрямый подбородок и выбившаяся из причёски прядь. Даже раздражение из-за промокших сапог выглядело знакомо.

— Неприятное зрелище, — пробормотала я.

— Вы всегда так ходите? — спросил Кайр.

— Как?

— Будто собираетесь предъявить обвинение мостовой.

— Она первая начала.

Женщина приблизилась к Терену и передала ему свёрток.

— Срочная доставка для мастера Ордина, — сказала она моим голосом.

— Архив ещё закрыт.

— Следователь Эстен распорядился принять немедленно.

Поддельная Элин уверенно посмотрела на стражника.

— Или хотите лично объяснять королевской службе, почему задержали улику по делу об убийстве?

Терен сдался.

Я бы выбрала почти те же слова.

Женщина вошла внутрь. Проходя мимо медной панели, она на мгновение отразилась в начищенной поверхности.

Вместо лица в отражении было пустое серое пятно.

— Остановите воспоминание, — сказал Кайр.

Я удержала образ.

Дождевые капли застыли в воздухе. Терен замер возле двери, а поддельная я остановилась в середине шага.

Кайр приблизился к медной панели.

— Это не изменение внешности.

— Согласна. Иллюзия отражалась бы вместе с человеком.

— Она использовала заимствованную память о вашей внешности. Терен видел не настоящее лицо, а образ, который ему вложили.

Я посмотрела на собственную копию.

— Откуда она знала про шрам?

— Из ваших воспоминаний.

— У меня никто их не крал.

Кайр перевёл взгляд на серебряную связь.

Я попыталась вспомнить последние недели. Работа, дешёвая комната над булочной, редкие прогулки по набережной. Ничего необычного.

Правда, несколько раз я просыпалась с головной болью. Однажды обнаружила на столе чашку незнакомого травяного настоя. Решила, что приготовила её вечером и забыла.

Теперь это объяснение казалось не таким убедительным.

— Продолжим, — сказала я.

Воспоминание снова оживило.

Поддельная Элин прошла по вестибюлю и свернула к служебной лестнице. Мы последовали за ней.

— Терен не мог видеть это, — заметил Кайр.

— Повреждённый фрагмент прикреплён к его памяти небрежно. Мы движемся по следу того, кто его создал.

— Вы делали подобное раньше?

— Нет.

Нить не отреагировала.

— Но знаете, как это работает.

— Теоретически. Из книг.

— Запрещённых?

— А вы никогда таких не читали?

— В двенадцать лет стащил у Леона руководство по боевой магии.

— С картинками?

— Там были схемы.

Нить оставалась холодной. Кайр рассказал это сам, и я не сразу нашлась, что ответить.

— Сосредоточьтесь, — добавил он.

Поддельная Элин вошла в кабинет мастера Ордина.

Он ждал её.

Не удивился, не позвал стражу. Лишь закрыл дверь и наложил на неё беззвучный контур.

— Вы опоздали, — сказал Ордин.

— Она выбрала длинную дорогу.

— Элин могла вас увидеть.

— Не увидела.

Женщина положила зеркало на стол.

Ордин не прикоснулся к нему.

— Она не готова.

— Это больше не имеет значения.

— Узел заберёт её память.

— Только если она продолжит лгать.

Поддельная Элин улыбнулась моими губами.

— А ваша ученица лжёт каждый день своей жизни.

Я почувствовала, как Кайр смотрит на меня.

— Не начинайте, — предупредила я.

— Я ничего не сказал.

Ордин подошёл к окну.

— Если Элин узнает, кто находился внутри зеркала...

— Она должна узнать.

— Тогда она вспомнит пожар.

Слова ударили сильнее серебряной нити.

Я потеряла контроль над воспоминанием. Стены кабинета задрожали, фигуры растянулись, голоса превратились в гул.

— Какой пожар? — спросил Кайр.

— Не знаю.

Это была правда.

До двенадцати лет я жила с матерью в небольшом доме возле западной стены. Потом она погибла.

Я помнила закрытый гроб, запах мокрой земли и руку незнакомой женщины на своём плече.

Но никакого пожара.

— Удерживайте образ, — приказал Кайр.

— Я пытаюсь.

Воспоминание начало разрушаться.

Поддельная Элин повернула голову в нашу сторону. В отличие от остальных, она продолжала двигаться.

Она видела нас.

— Этого не может быть, — прошептала я.

Женщина шагнула вперёд.

— Здравствуй, Элин.

Моим голосом она больше не говорила.

Теперь голос принадлежал женщине из зеркала.

Моей матери.

Лицо двойника дрогнуло. Черты потекли, как краска под дождём. Серые глаза стали тёмными, волосы удлинились, на правой щеке появилось маленькое родимое пятно.

Я не узнала эту женщину.

Но Кайр отшатнулся.

Он видел лицо, которое проклятие забрало из моей памяти.

— Кто это? — спросила я.

Поддельная Элин протянула руку и коснулась моего лба.

— Просыпайся.

Чужая память обрушилась. В распадающемся образе я наконец нащупала место, где подмену пришили к настоящему утру Терена. Потянула за чужой след, отделяя его от живой памяти, и отпустила.

Меня выбросило в мастерскую.

Терен лежал на полу. Кайр стоял на коленях рядом со мной и удерживал меня за плечи.

— Элин!

Я с трудом вдохнула.

Из носа текла кровь. На языке чувствовался металлический привкус.

— Стражник?

— Жив.

Терен открыл глаза.

Серебряные прожилки исчезли.

— Где я?

— В архиве, — ответил Кайр. — Ваше имя Терен Восс. Вы служите здесь семь лет.

Стражник повторил своё имя и постепенно успокоился.

Мне повезло меньше.

За глазами пульсировала боль. В голове звучали последние слова женщины:

«Просыпайся».

Кайр помог мне сесть.

— Вы её узнали? — спросила я.

Он не стал притворяться, что не понял вопроса.

— Да.

— У неё лицо моей матери?

— Да. Но лицо можно подменить. Что за пожар упомянул Ордин?

— Я не помню никакого пожара.

— Подумайте.

— Вы полагаете, я держу воспоминания в ящиках и просто не хочу открыть нужный?

— Иногда память прячет травмирующие события.

— А иногда их кто-то крадёт.

Мы посмотрели на зеркало.

На оправе оставалось восемнадцать точек. Ни одного нового обмена. Предыдущая отметка исчезла, когда из зеркала заговорила женщина. Не из-за наших ответов — кто-то ещё умел пользоваться узлом.

Кайр помог Терену подняться.

— Оставайтесь здесь. Никого не впускайте.

— А если снова придёт она?

Стражник посмотрел на меня.

— Настоящая Элин связана со мной, — сказал Кайр. — Если увидите её без серебряной нити, поднимайте тревогу.

— Приятно иметь отличительный признак, — заметила я.

Мы направились в кабинет мастера Ордина.

Дверь оказалась заперта.

— У вас есть ключ? — спросил Кайр.

— Нет.

Он поднял руку, собираясь применить магию.

— Подождите.

Я достала из волос тонкую шпильку.

— Вы умеете взламывать замки? — спросил он.

— Я умею открывать реставрационные шкафы после того, как мастер Ордин прячет ключи.

— То есть взламывать замки.

— В образовательных целях.

Нить осталась холодной.

Замок щёлкнул.

Кайр первым вошёл в кабинет.

На первый взгляд внутри всё оставалось как в воспоминании: письменный стол, шкафы с каталогами, недопитый чай возле окна. Но защитный узор на полу был разорван, а одна из досок возле стены приподнята.

Кайр отодвинул её носком сапога.

Под доской скрывалась металлическая дверца.

— Вы знали об этом тайнике?

— Нет.

— Ордин имел доступ к запрещённым артефактам?

— Все старшие реставраторы имеют.

Кайр открыл дверцу.

Тайник был пуст.

На дне лежал только небольшой осколок чёрного стекла.

Я присела рядом.

— Не трогайте, — одновременно сказали мы.

Кайр посмотрел на меня.

— Учитесь, — пояснила я.

Он достал из кармана платок и осторожно поднял осколок. На поверхности появилось отражение кабинета.

В углу стоял мастер Ордин.

Настоящий кабинет был пуст, но в стекле он находился прямо за нами.

— Кайр, — прошептала я.

Отражение Ордина подняло голову.

Его глаза были полностью серебряными.

Кайр обернулся.

Стена за нашей спиной взорвалась деревянными щепками.

Ордин выскочил из скрытого прохода и ударил Кайра тяжёлым жезлом. Следователь успел закрыться рукой. По комнате прокатился магический импульс, опрокинувший стол.

Связь между нами натянулась.

Меня потащило вслед за Кайром. Я врезалась в шкаф, сверху посыпались каталоги.

— Мастер! — крикнула я. — Остановитесь!

Ордин не отреагировал.

Он снова атаковал Кайра. Следователь уклонился, перехватил его руку и попытался выбить жезл. Но всякий раз, когда Кайр двигался, серебряная нить дёргала меня за собой.

Драться, будучи соединёнными, оказалось неудобно.

Особенно когда один участник умеет это делать, а второй вооружён справочником по восстановлению бытовых воспоминаний.

Я бросила книгу в Ордина.

Она попала ему в плечо.

— Серьёзно? — спросил Кайр.

— Это самое тяжёлое издание!

Ордин направил жезл на зеркало, которое мы оставили в мастерской.

Через стены протянулся серебряный луч.

— Он пытается открыть печать! — поняла я.

На полу возле стола рассыпался порошок гашёного серебра. Я схватила горсть и швырнула Ордину под ноги.

— Кайр, огонь!

Следователь понял без объяснений. Он выпустил короткую огненную волну.

Порошок вспыхнул и превратился в серебряные цепи. Они обвились вокруг ног Ордина, поднялись к груди и сжали руки.

Мастер рухнул на колени.

Жезл выпал.

Кайр прижал его к полу и сорвал с шеи амулет в форме чёрной капли.

Серебро в глазах Ордина погасло.

— Мастер? — я опустилась рядом.

Он посмотрел на меня, но не узнал.

— Где зеркало? — прошептал Ордин.

— В мастерской.

— Не отдавай ей ключ.

— Кому?

Его пальцы вцепились в мою руку.

— Женщине без лица.

Ордин содрогнулся.

Из-под его век потекли чёрные слёзы.

Я положила ладонь ему на висок.

— Не надо, — предупредил Кайр. — Вы едва выдержали память стражника.

— Если не войду сейчас, след исчезнет.

— Элин.

— Держите меня.

Я закрыла глаза и коснулась угасающего воспоминания.

На этот раз вокруг не было ни кабинета, ни дождя.

Только тёмный коридор и женщина, стоящая возле закрытой двери.

Она держала зеркало.

— Кто вы? — спросил Ордин.

Женщина повернулась.

Я снова не узнала её лицо.

Кайр узнал.

Он сжал мою руку так сильно, что стало больно.

— Скажите ей правду, — произнесла женщина.

— Какую?

— Что я не погибла в пожаре.

Воспоминание рассыпалось.

Я открыла глаза.

Кайр молчал.

— Это снова была она? — спросила я. — Женщина, чьё лицо вы получили вместе с моей памятью?

— Да.

— Она могла пережить пожар?

Кайр посмотрел на меня. На этот раз в его взгляде не было подозрения.

— Я видел заключение о её смерти. Но после сегодняшнего не стал бы полагаться только на него.

— Вы изучали дело моей матери?

— Его вёл мой брат.

Кайр разжал ладонь.

На ней лежал сорванный с Ордина амулет. Чёрная капля треснула, и внутри неё появилось женское лицо.

Лицо моей матери.

Амулет заговорил:

— Приведи ключ к Северным воротам до полуночи. Иначе следующей она забудет себя.

Глава 4. До полуночи

До полуночи оставалось меньше часа.

За это время нам требовалось передать мастера Ордина лекарям, выбраться из заблокированного архива, добраться до Северных ворот и решить, стоит ли выполнять приказ женщины, которая выглядела как моя покойная мать.

Обычный вечер младшего реставратора.

Кайр поднял Ордина с пола и уложил на диван. Мастер дышал, но на наши голоса не реагировал. Чёрные следы под его глазами постепенно исчезали. На шум заглянул Терен.

— Он выживет? — спросил Терен.

— Если амулет не успел разрушить основные воспоминания, — ответила я.

— А если успел?

— Тогда потребуется хороший менталист.

— Магистр Нолл?

Я вспомнила его тройную плату.

— Лучше очень богатый менталист.

Кайр положил расколотый амулет на стол и накрыл его защитным колпаком.

— Оставайтесь с ним, — распорядился Кайр. — Мы найдём выход и пришлём лекарей. К амулету никого не подпускайте.

— А зеркало? — спросила я.

— Возьмём с собой. Здесь его уже пытались открыть.

Кайр вернулся в мастерскую. Мне пришлось последовать за ним.

Зеркало лежало под плотной тканью. На оправе тускло светились восемнадцать точек.

Кайр поместил артефакт в небольшой дорожный ларец, закрыл его и наложил три защитные печати. Затем прикрепил ларец к поясу короткой цепью.

Я собрала в поясную сумку серебряную иглу, остаток удерживающего состава и катушку нити. Не знала, пригодятся ли инструменты. Без них уходить было страшнее.

— Если женщина потребует отдать зеркало? — спросила я.

— Не отдадим.

— А если иначе она не вернёт мою память?

— Не вернёт в любом случае.

— Откуда такая уверенность?

— Люди, действительно желающие помочь, редко начинают знакомство с убийства советника и нападения на архив.

— Вы слишком подозрительны.

— Это моя профессия.

Мы вышли в вестибюль.

Блокирующий контур всё ещё действовал. Главные двери не открывались, жетон Кайра не отвечал, а окна первого этажа покрывала защитная сетка.

Терен попробовал поднять внутреннюю тревогу. Он трижды ударил по медной пластине возле караульной стойки.

Ничего не произошло.

— Кто-то полностью отрезал здание, — сказал Кайр.

— Контур должен отключаться из кабинета хранителя.

— Где кабинет?

— На четвёртом этаже.

Кайр посмотрел на лестницу.

— Если будем проверять каждую дверь, до ворот не успеем.

Я подошла к стене возле стойки и сняла декоративную панель. За ней обнаружился узкий рычаг.

— Что это?

— Аварийный выход.

— Почему стражник о нём не знает?

— Потому что официально его не существует.

Я потянула рычаг.

В полу открылся квадратный люк. Из темноты пахло пылью, сыростью и старыми чернилами.

— Куда ведёт? — спросил Кайр.

— В подвал соседней типографии.

— Откуда вы знаете?

— Сотрудники иногда задерживаются после закрытия.

— И выбирают через тайный проход?

— В архиве строго следят за рабочим временем. Если начальство узнает, что мы регулярно остаёмся допоздна, могут увеличить норму.

Кайр первым спустился в люк.

Серебряная нить потянула меня следом.

— Постарайтесь не упасть, — сказал он снизу.

— Поздно.

Нога соскользнула с перекладины. Я пролетела последние несколько ступеней и врезалась в Кайра.

Он поймал меня за талию.

Ларец с зеркалом ударился о стену.

Внутри что-то недовольно стукнуло.

— Даже артефакт осуждает вашу осторожность, — заметил Кайр.

— Это вы стояли в месте моего приземления.

— В следующий раз постараюсь отойти.

— На два с половиной шага?

— На два с половиной шага.

Он всё ещё держал меня.

Я слишком отчётливо чувствовала тепло его ладони через тонкую ткань платья. В тесном проходе лицо Кайра оказалось совсем близко. Возле левого виска шрам был не тонкой линией, как мне показалось раньше, а неровным следом ожога.

— Вы можете меня отпустить, — сказала я.

— Вы уверенно стоите?

— Да.

Нить осталась холодной.

Кайр разжал руку.

Мы прошли по низкому тоннелю и выбрались в типографский подвал. Между стопками бумаги спал пожилой наборщик. Кайр разбудил его и показал жетон. Через минуту мальчишка-посыльный уже бежал за лекарем, а хозяин типографии, ворча, спускался в проход к Терену.

Мы вышли через заднюю дверь.

На улице всё ещё шёл дождь.

Кайр поднял воротник мундира и оглядел пустой переулок.

— До Северных ворот далеко?

— Пешком около часа.

— Найдём экипаж.

На главной улице нам попала только одна свободная карета. Возница сначала отказался ехать в северную часть города ночью, но передумал, когда Кайр показал королевский жетон.

Внутри кареты было тесно.

Мы сели на одну скамью. Между нами Кайр поставил ларец с зеркалом. Я могла бы пересечь напротив — расстояние позволяло, — но не хотела проверять, что сделает нить, если карету резко тряхнёт.

Карета тронулась.

Несколько минут мы молчали.

За окном проплывали освещённые витрины, мосты и мокрые крыши. Чем дальше мы ехали на север, тем реже встречались фонари.

— Расскажите о моей матери, — попросила я.

Кайр не повернулся.

— Что именно?

— Всё, что знаете.

— Лиора Вэрд. Старший хранитель Северного хранилища памяти. Специализировалась на восстановлении воспоминаний после магических травм.

Я никогда не слышала этого названия.

Мама говорила, что работала обычной переписчицей. Иногда приносила домой испорченные кристаллы и разрешала мне рассматривать их на свету.

Я считала это красивыми камнями.

— Продолжайте.

— Двенадцать лет назад в Северном хранилище произошёл пожар. Погибли шесть человек. Среди них ваша мать.

— Вы сказали, что расследование вёл ваш брат.

— Леон Эстен. В то время он служил в отделе магических преступлений.

Леон. В памяти Терена Кайр упоминал его почти небрежно, рассказывая о запрещённой книге. Теперь каждое слово давалось ему с усилием.

— Он нашёл тело?

— Тела сильно пострадали. Личности подтвердили по остаточным отпечаткам памяти.

— Их можно подделать?

— Теоретически.

— Практически?

Кайр посмотрел на меня.

— Ваша мать умела это делать.

Серебряная связь не нагрелась.

— Её считали преступницей?

— После пожара обнаружилась пропажа нескольких закрытых воспоминаний. В том числе материалов королевской семьи. Следствие предположило, что Лиора собиралась их украсть, но не успела покинуть хранилище.

— А ваш брат?

— Сначала согласился с официальной версией.

— Потом перестал?

— Через год он потребовал возобновить дело. Утверждал, что результаты проверки подменили.

— Ему разрешили?

— Нет.

Колёса кареты ударились о выбоину. Меня качнуло к Кайру. Наши плечи соприкоснулись.

— Что произошло дальше?

— Леон продолжил расследование самостоятельно. Затем исчез на трое суток. Когда его нашли, он не помнил последние шесть месяцев.

Я посмотрела на ларец.

— Кто восстановил ему память?

— Никто. Повреждение оказалось слишком глубоким.

— Но воспоминание о его смерти сохранилось в зеркале.

— Значит, после потери памяти он снова приблизился к истине.

В голосе Кайра не было эмоций. Только пальцы на колене сжались в кулак.

— Как он погиб?

— Три года назад Леона нашли в заброшенном доме возле реки. Без ран, без следов яда. Его память была полностью уничтожена.

— Но в зеркале он истекал кровью.

— Именно поэтому артефакт мне нужен.

Теперь я понимала, почему Кайр не желал отдавать зеркало даже в обмен на мои воспоминания. Это была единственная возможность узнать, что произошло с его братом.

Наши цели совпадали.

Пока.

— Предлагаю договор, — сказала я.

— Какой?

— До снятия проклятия мы ничего не скрываем о зеркале, вашей семье и моей матери.

— Вы готовы рассказать о своём даре?

Я посмотрела в окно.

— Это относится к делу.

— Прямо относится.

Нить между нами оставалась холодной. Молчание по-прежнему не считалось ложью, но Кайр ждал.

Если он захочет меня арестовать, скрывать дар уже бессмысленно. Он видел, как я входила в воспоминания Терена и Ордина.

— Я могу слышать память в закрытых предметах, — призналась я. — Иногда видеть отдельные образы. При прямом контакте могу проникнуть глубже.

— Вы зарегистрированы?

— Нет.

— Почему?

— Потому что людей с таким даром забирают в королевские лаборатории.

— Это только проверка дара.

— Вы сейчас лжёте?

Серебряная нить потеплела.

Перед глазами возник Кайр, стоящий в длинном белом коридоре. За стеклянными дверями сидели люди с пустыми глазами.

Образ оборвался. Я знала, что мы только что вышли из типографии, но больше не могла представить лицо наборщика. Кайр вздрогнул и на мгновение посмотрел мимо меня.

На опрае зеркала погасла ещё одна точка.

Семнадцать.

Кайр побледнел.

— Я не хотел...

— Но знали, что происходит с незарегистрированными менталистами.

— Знал о нескольких случаях.

— И называли это проверкой.

— Некоторых действительно оставляют на свободе.

— После проверки?

Он не ответил.

— Часть вашей памяти теперь у меня, — напомнила я. — Вы видели лабораторию.

Кайр отвернулся к окну.

— Я был там один раз. Леон привёл меня после исчезновения. Хотел показать, почему нельзя доверять отделу ментального контроля. Я помню, зачем мы пришли, но теперь не вижу самого коридора.

— И вы всё равно служите короне.

— Потому что иначе расследование его смерти давно уничтожили бы вместе с остальными материалами.

Это была правда.

Я не могла решить, делало ли это Кайра честным человеком или просто очень упрямым.

— Теперь мой вопрос, — сказала я. — Вы считаете меня причастной к убийству советника Роша?

Он ответил не сразу.

— Нет.

Нить осталась холодной.

— Вы быстро передумали.

— Кто-то подделал вашу внешность, подпись и воспоминания стражника. Если бы вы действительно хотели доставить зеркало незаметно, не стали бы использовать собственное лицо.

— Разумно.

— Но вы связаны с артефактом, а ваша мать могла создать его. Поэтому я не считаю вас невиновной во всём остальном.

— Почти комплимент.

— Не привыкайте.

Карета остановилась.

Возница постучал по крыше:

— Дальше не поеду! Северные ворота за углом.

Кайр расплатился, и мы вышли.

Этот район давно покинули богатые семьи. Дома стояли тёмными, окна нижних этажей были заколочены. В конце улицы возвышалась старая городская стена.

Северные ворота закрыли для проезда после эпидемии двадцать лет назад. За ними началось заброшенное кладбище и дорога к сгоревшему хранилищу памяти.

До полуночи оставалось десять минут.

Мы подошли к массивным створкам.

На мокрых камнях лежал деревянный футляр.

— Ловушка, — сказал Кайр.

— Несомненно.

— Не трогайте.

— Даже не собиралась.

Из футляра донёсся голос матери. Она пела слова, которые я знала с детства.

Саму мелодию я не узнала: её забрало проклятие. Но Кайр напрягся раньше, чем я успела спросить.

— Та самая песня, — сказал он.

Я сделала шаг.

Кайр удержал меня.

— Элин.

— Там моё воспоминание.

— Поэтому его здесь оставили.

— Если я его не заберу, то потеряю навсегда.

— А если заберёте, можете потерять всё остальное.

Мелодия продолжалась.

Я вслушивалась, пытаюсь заново запомнить каждую ноту. Голос звучал тихо и ласково.

— Вы не понимаете, — сказала я.

— Понимаю лучше, чем вам кажется.

Я посмотрела на него.

— Вы бы не пошли за воспоминанием своего брата?

Кайр не ответил.

Это было достаточным ответом.

— Вместе, — сказал он наконец. — И сначала проверим защиту.

Мы приблизились к футляру. Кайр провёл над ним ладонью, выявляя магические следы.

— Взрывного узора нет.

— Ментальный?

— Вы специалист.

Я коснулась дерева кончиками пальцев.

Внутри находилась настоящая запись — не подделка. Я узнала почерк дара, тот же, что чувствовала в зеркале. Мать оставила её для меня.

Но рядом ощущалось что-то ещё.

Чужое присутствие.

— Нас ждут, — сказала я.

В ближайшей луже появилось отражение женщины.

Моей матери.

На этот раз я не могла увидеть её напрямую. Она существовала только в отражениях: в воде, мокрых окнах, металлической пряжке на плаще Кайра.

— Ты пришла, — произнесла она.

— Кто вы?

— Ты уже знаешь.

— Моя мать мертва.

— Твоя мать сгорела двенадцать лет назад. Но не всё, что она знала, погибло вместе с ней.

Кайр встал передо мной.

— Вы — сохранённая копия памяти?

Женщина посмотрела на него из лужи.

— Судья наконец задал правильный вопрос.

— Ответьте.

— Я — то, что Лиора успела спрятать.

— В зеркале?

— В дочери.

Холод пробежал по спине.

— Во мне ничего не спрятано, — сказала я.

Женщина улыбнулась:

— Тогда почему ты не помнишь пожар?

Полночный колокол начал отбивать первый удар.

На Северных воротах вспыхнул знак. Такой же, как на оправе зеркала.

Кайр вытащил меч.

— Что находится за воротами?

— Правда, которую ваш брат пытался вернуть.

Из тёмных переулков появились люди в серых плащах. Один, второй, третий. Они двигались слишком одинаково, будто подчинялись единой воле.

Лиц не было видно.

— Сколько их? — спросила я.

— Шесть.

— Я насчитала пять.

— Один на крыше.

Над нами свистнул болт.

Кайр толкнул меня к стене. Снаряд ударился о камни и взорвался облаком серебряной пыли.

Связь на наших запястьях вспыхнула.

— Не вдыхайте! — крикнула я. — Это глушитель памяти!

Мы закрыли лица рукавами.

Люди в плащах приближались.

Кайр поднял свободную руку. По мостовой пробежала огненная линия, отрезая нападавших.

— Открывайте ворота.

— Как?

— Вы ключ.

— Очень полезное уточнение!

Я прижала ладонь к знаку на камне. Он оставался холодным.

— Ничего не происходит.

— Попробуйте дар.

— Это дверь, а не воспоминание.

— Знак такой же, как на зеркале.

Логично.

Ненавижу, когда следователи оказываются логичными.

Я закрыла глаза и потянулась к воротам.

За камнем обнаружилась память.

Огонь охватывал большое здание. Люди кричали, стеклянные сосуды взрывались, выпускающая тысячи чужих образов. Женщина несла меня на руках через горящий коридор.

Мама.

За нами бежал молодой мужчина. Я узнала черты Кайра, но это был не он.

Леон Эстен.

Он распахнул Северные ворота и передал меня человеку в сером плаще.

— Заберите девочку! — крикнул Леон.

Мама осталась по другую сторону.

— Лиора! — позвал он.

— Я должна закрыть архив.

— Ты погибнешь.

— Если они получат её память, погибнут все.

Она посмотрела на меня.

Я видела её лицо — не вспоминала, а видела заново. Хотелось задержаться в этом мгновении, запомнить всё.

Мама улыбалась сквозь слёзы.

— Элин, прости меня.

Воспоминание оборвалось.

Я открыла глаза.

По щеке текла слеза.

— Кайр, ваш брат был во время пожара.

— Что?

— Он спас меня.

Нападавшие прошли через огненную линию. Их плащи загорелись, но они не остановились.

Кайр встретил первого ударом меча. Второго отбросил магической волной. Серебряная связь заставляла меня двигаться вместе с ним, уворачиваться и пригибаться.

Третий человек прорвался справа.

Я схватила деревянный футляр и ударила его по голове.

Крышка открылась.

Изнутри вырвался золотой свет.

Голос матери зазвучал у меня в голове. Я снова знала мелодию, но прежнее воспоминание о кухне и её пении оставалось у Кайра. Эта запись не могла вернуть мне прожитое.

Зато в ней сохранился другой образ: маленький ключ, который мама носила на шее. Я увидела, как она прячет его в моей ладони, закрывает золотую пластину кожей и стирает боль.

Я опустила взгляд.

На знаке Северных ворот имелось углубление точно такой же формы.

— Ключ был у меня, — прошептала я. — Всё это время.

— Где?

Я коснулась старого шрама под большим пальцем.

Кожа вспыхнула.

Из шрама вышла тонкая золотая пластина.

Кайр отбросил очередного нападавшего.

— Элин!

Я вставила ключ в углубление.

Ворота задрожали.

Как только замок отпустил золотую пластину, я выдернула её и сжала в ладони.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.